

КАМЕРТОН

Собеседник, 1987, № 6

Дидье Маруани: музыкант или инженер?

Ему бы в баскетбол играть — с таким-то ростом. Однако и на сцене он здорово смотрится — видно с последнего ряда. Черные волосы до плеч, ровный, спокойный голос. Это — Дидье Маруани, основатель, автор музыки и главный исполнитель группы «Спейс», которая с 1982 года выступает под названием «Париж-Франция-Транзит».

— Однажды, это было в 1976 году, мне предложили написать музыку для телепередачи о космосе, — рассказывает он. — Я написал. Она полностью исполнялась на синтезаторе. Тогда к таким звукам еще не привыкли, они воспринимались странно. Мне говорили: это какая-то звездная музыка. Передача, увы, так и не состоялась. Но в конце концов я снова оказался в студии звукозаписи с несколькими музыкантами, чтобы продолжить работу. Так родилась группа «Спейс» и мой первый диск, который мы записали вместе, — «Волшебный полет». Сначала — песня, потом — группа. К тому времени Дидье Маруани, родившийся и выросший в семье известных парижских импресарио, уже выступал как певец. Однако ни на одной пластинке «Спейс» вы не найдете его имени, хотя именно он сочинил всю музыку. Почему? — Автор музыки — Экама. Это мой псевдоним, — объясняет Маруани. В 1981 году группа распалась. Дидье продолжал работать один, записывал пластинки, выступал. А в 1982-м, чтобы вернуться к электронной музыке, создал новую группу «Париж-Франция-Транзит», с успехом гастролировавшую в Советском Союзе в 1983 году. — Дидье, что-нибудь изменилось с тех пор, как «Спейс» превратился в «Париж-Франция-Транзит»? — Изменилось многое — прежде всего я сам. Но музыка осталась моей, — смеется он. — Может, она стала более ритмичной, но ее основа по-прежнему — мелодия. Нельзя забывать и о техническом прогрессе — о совершенствовании музыкальных синтезаторов. Теперь я играю на очень сложных инструментах, подключенных к микро-ЭВМ.

Раньше таких не было. Поэтому музыка стала более изысканной. — Ты получил высшее, «классическое» музыкальное образование. Это как-то сказывается на творчестве? — На мелодиях, которые я сочиняю, — без сомнения. Это естественно: у музыканта всего семь нот, и ничего тут не поделаешь. Я начал играть на рояле в пять лет. Ноты и буквы научился читать одновременно. Тогда я жил с родителями в Монако, там же начал ходить в консерваторию. Потом мы переехали в Париж, так что окончил я уже столичную консерваторию — по классу фортепьяно. Писать музыку начал в тринадцать лет. А уже в восемнадцать понял, что не стану ни исполнителем классической музыки, ни композитором, работающим в классическом жанре. Впрочем, любимый мой композитор — Шопен. Он мне ближе других. Люблю Бетховена, Чайковского, Моцарта — люблю за романтизм, силу, мощь... — А что ты думаешь о современной французской песне? — Франция, можно сказать, захвачена английской и американской музыкой. Но это всемирный феномен, ему противостоять трудно. Жаль, но французская песня сегодня потеряла свое прежнее культурное значение, она сейчас в трудном положении. — В соседней Италии, например, этого не произошло... — Действительно, итальянские песни имеют колоссальный успех. Итальянцы сделали ставку на развитие именно национальных традиций, сохранили свои чудесные мелодии. Вместе с тем многие исполнители и в этой стране поют по-английски. — Ты ведь тоже поешь по-английски... — Нет, пою не я... в группе есть певец. Но все объясня-

ется просто. Еще 30—40 лет назад французский язык признавался как международный, теперь — везде говорят только по-английски. Но это не снимает вопроса о том, как добиться восприятия французской музыки и французской песни за пределами нашей страны. — «Спейс» — это в прошлом, а что же группа «Париж-Франция-Транзит»? — После нашего диска 1983 года и поездки в Советский Союз вместе мы не собирались. Я выступаю с сольными концертами. Не так давно вернулся из Праги. На столе у меня — сценарий кинофильма, к которому мне заказана музыка. А пока пишу мелодии для нового диска: для этого мне нужен только один человек — инженер звукозаписи. В общем, могу сказать, что сейчас группа — это два человека: Дидье Маруани и его постоянный напарник Дени Коттар. Надеюсь, скоро выпустим новый альбом. — Тебе хотелось бы еще раз побывать в Советском Союзе? — Очень. Я давно знаком с успехом, но выступления в СССР останутся важнейшим этапом в моей жизни. Ваша аудитория невероятно искренняя, мне кажется, она более чувствительна к музыке, чем любая другая. Когда я играл в «Олимпийском», я просто физически ощущал, что доставляю удовольствие тысячам людей. Я очень хочу вернуться и обязательно с новой программой! Дидье разрешил открыть мне маленький секрет: он думает о создании целого музыкального спектакля об Октябрьской революции...

Никита Ермаков,
корр. ТАСС —
для «Собеседника».
Париж.